

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Сборник статей

Веб-публикация: *Vive Liberta, 2011-2013*

А. А. Искендеров.	В. П. Волгин и задачи изучения истории социалистических идей	3
В. Л. Мальков.	В. И. Ленин и Ю. Дебс	17
В. А. Смирнова.	Критика Ф. Энгельсом взглядов П. Ж. Прудона и его борьба с прудонизмом в международном рабочем движении	30
А. Э. Штекли.	Энгельс и издание «Истории социализма в отдельных очерках» (1895)	61
Н. Г. Федоровский.	Парижская Коммуна и трансформация лассальянства	87
В. В. Галкин.	Джон Фрэнсис Брей	106
Н. А. Ерофеев.	Промышленная революция в Англии и идея классов	134
К. М. Андерсон.	«Беседы» Роберта Саути	159
Э. И. Валлич.	Представления Чарлза Холла о современном ему и совершенном обществе	178
Т. А. Павлова.	Социальные воззрения Томаса Чебба	191
В. В. Карева.	Н. Гедвиль и его роль в распространении утопическо-коммунистических представлений во Франции	206
Л. Л. Альбина.	Вольтер — читатель Мабли	233
Л. С. Чиколини.	Социальные мотивы в творчестве Джованни Баттисты Джелли	240
В. Ф. Мордвинцев.	Рождение легенды о «добром дикаре»	256
	публикации	
О. Б. Воробьева, Я. Г. Рокитянский.	Записи Вильгельма Вейтлинга о встрече с Марксом осенью 1849 г.	273
Вильгельм Вейтлинг.	Воспоминания о пребывании в Лондоне, записаны 13 января (1850 г.)	280
	Примечания	281

Раздел библиотеки

История идей: "от утопии к науке"

<http://istmat.info/node/29200>

В 1978 г. научная общественность нашей страны и прогрессивные историки многих стран мира отмечали 100-летие со дня рождения Вячеслава Петровича Волгина, которому по праву принадлежит выдающаяся роль в становлении советской исторической науки. С именем академика Волгина связаны многие важные этапы ее развития, когда в острой идеологической борьбе решались принципиальные проблемы, затрагивавшие самые основы марксистско-ленинского понимания всемирно-исторического процесса, когда вырабатывались главные направления научных исследований в области всеобщей истории.

В этот сложный и ответственный период В. П. Волгин отстаивал единственно верную классовую позицию. Будучи высокообразованным ученым с поистине энциклопедическими познаниями, в совершенстве владея приемами и методами исследования исторических фактов, источников и литературы, он ясно понимал задачи истории как науки, видел залог ее успешного развития в неразрывной связи с политикой и идеологией. Среди замечательной плеяды русских историков было немало ярких имен, но, что чрезвычайно важно подчеркнуть и что отличало В. П. Волгина, так это его умение понять и правильно оценить новые условия, созданные победой Великого Октября. Он широко и в значительной мере по-новому взглянул на сам предмет исследования, осознал роль и место историка в борьбе народа, созидющего новую жизнь, и, исходя из этой высокой гражданской и партийной позиции, определял наиболее перспективные, отвечающие духу времени и потребностям революционной эпохи, направления научных изысканий.

Многие положения и выводы, сформулированные В. П. Волгиным несколько десятилетий назад, не только не утратили своего научного и практического значения, но и актуальны по сей день, вызывают повышенный интерес к узловым вопросам теории и методологии исторической науки.

Велика роль академика В. П. Волгина в становлении историографии как особой научной дисциплины, а также в разработке ряда методологических проблем всеобщей истории. В этом отношении непреходящее значение имеют его выступления как организатора советской исторической науки и одного из руководителей

Академии наук СССР, его деятельность председателя Комиссии по истории советской исторической науки. По инициативе и при участии В. П. Волгина были опубликованы сборник «Общественные науки в СССР», вышедший к 10-й годовщине Великого Октября, книги «Двадцать пять лет советской исторической науки», «Очерки истории исторической науки в СССР».

У В. П. Волгина мы находим и характеристику буржуазной исторической науки. В середине 30-х годов в одной из работ, написанных по итогам Международного конгресса историков, состоявшегося в Варшаве в 1933 г., В. П. Волгин отмечал: «Буржуазная историческая наука находится в состоянии жесточайшего кризиса. Если присмотреться самым беспристрастным образом к докладам на конгрессе, то можно убедиться в полной неспособности современной западноевропейской историографии ставить и разрешать широкие проблемы общего порядка. Даже в методологической секции, где сама программа заставляла выдвигать общие проблемы, мы не видели ничего, кроме слабых перешевов того, что было сказано буржуазными теоретиками давно, на рубеже XIX и XX столетий или даже в конце XIX столетия. А если обратить внимание на доклады по конкретным историческим вопросам в других секциях, то придется констатировать, что, по существу, в большинстве случаев мы имеем дело с довольно элементарным описанием того или другого мелкого факта, который слабо увязывается с общим историческим процессом и анализ которого не дает никаких общих перспектив»¹. Эта оценка буржуазной исторической науки остается справедливой и в наши дни.

Резко выступая против тех, кто пытался приписать значение истории как науки, открывающей и изучающей закономерности развития человеческой цивилизации, В. П. Волгин подчеркивал, что «специфичность истории как науки об обществе лежит не в специфичности ее задач, а в специфичности ее объекта, из чего, конечно, вытекают и своеобразные особенности ее метода... История была бы неполноценна как наука, если бы она отказалась от выявления исторических закономерностей». С другой стороны, писал Волгин, как всякая наука, изучающая объект, меняющийся во времени, история, конечно, стремится показывать этот процесс. Однако «история, не руководствуясь пониманием исторических закономерностей, теряет значение науки, превращается в грудку разрозненных фактов, группируемых по субъективным критериям в угоду тем или иным субъективным интересам»².

Принципиальные возражения В. П. Волгина вызывали любые попытки теологического толкования всемирно-исторического процесса. «Когда мы видим, что в XX веке, — отмечал он, — та или другая научная школа, сознательно или бессознательно, в прямой

богословской или завуалированной философской форме, к этой гипотезе божества скатывается или дает повод делать из ее положений такие выводы, то мы считаем это симптомом научной реакции, которую объясняем как отражение реакционных общественных настроений определенных общественных классов»³.

Весьма актуальны сегодня суждения академика В. П. Волгина о довольно влиятельной и распространенной на Западе школе так называемого исторического синтеза, связанной прежде всего с именем А. Бэра — ее основателя и проповедника, редактора журнала «Исторический синтез». «Понятие исторического синтеза, — писал В. П. Волгин, — взятое само по себе, с формальной стороны, конечно, является вполне приемлемым для исторического материализма. История как наука не может и не имеет никакого основания отказаться от применения синтетического метода..., но «исторический синтез», каким он предстает в суждениях буржуазных историков, по существу является знаменем, под которым в настоящее время в среде буржуазных ученых, представителей исторической науки, объединяется то меньшинство противников исторического материализма, которое все-таки как-то хочет осмыслить исторический процесс»⁴. Эти мысли могут служить образцом научно-партийного подхода к всевозможным новейшим немарксистским концепциям всеобщей истории.

Когда речь заходит о вкладе академика Волгина в развитие марксистско-ленинской исторической науки, то прежде всего вспоминается — и это вполне естественно — такое его детище, как история социалистических учений. В этой отрасли исторического знания В. П. Волгин трудились особенно много и плодотворно. Но было бы неправильным ограничивать его деятельность лишь этим направлением, хотя сделанное в этой области поражает широтой постановки крупных научных проблем. Даже простое перечисление того, что он создал, заслуживает специального обстоятельного рассмотрения. Поэтому в данной статье хотелось бы остановиться лишь на некоторых сторонах творчества В. П. Волгина, отметить главные вехи его многогранной научной деятельности, некоторые ее особенности.

Уже в начале XX в. молодой Волгин выбирает главной темой своих изысканий изучение предшественников научного социализма. Активно выступая за систематическое изучение социалистической теоретической мысли, В. П. Волгин постоянно подчеркивал, что творческое освоение опыта прошлого немислимо без преодоления присущих ему недостатков, которые нужно рассматривать критически, с позиций марксистско-ленинской методологии. В этом В. П. Волгин, а впоследствии и созданная им школа увидели важнейшую научную и политическую задачу. Труды В. П. Волгина — это не просто продолжение существовавших в

¹ Волгин В. П. Международный конгресс историков в Варшаве. — Исторический сборник. Л., 1934, т. 1, с. 23.

² Там же, с. 12—13.

³ Там же, с. 13.

⁴ Там же, с. 11—12.

русской общественной мысли замечательных традиций, выразившихся в постоянном интересе к тому, что писалось в мире о социализме. Эти работы составили принципиально новое направление в отечественной исторической науке — марксистско-ленинскую историю социалистических идей.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции резко возрос общественный и научный интерес к истории социалистической мысли, и В. П. Волгин вскоре занял ведущее место в этой отрасли исторического знания, творчески развивал идеи К. Маркса и Ф. Энгельса. Как известно, в тот период, когда К. Маркс и Ф. Энгельс формулировали основные положения научного коммунизма, которые нашли свое отражение, в частности, в «Немецкой идеологии», они обдумывали план издания на немецком языке произведений социалистов-утопистов с обстоятельными научными комментариями и вводными статьями. Предполагалось, например, опубликовать сочинения Сен-Симона, Фурье, Оуэна, Бабефа. К. Маркс и Ф. Энгельс намеревались также написать общее введение к их трудам, а в дальнейшем подготовить специальный очерк истории социалистических идей⁵. В записной книжке Маркса, относящейся к 1845 г., упоминаются в этой связи также имена Морелли, Мабли, Буонарроти, Дезами, Консидерана.

Однако в силу ряда причин издание «Библиотеки выдающихся иностранных социалистов»⁶ не было осуществлено. Ф. Энгельс перевел лишь выдержки из работы Фурье «О трех внешних единствах», которые были опубликованы в 1846 г. с его введением и заключением⁷.

К этой идее неоднократно обращался и В. И. Ленин, который придавал исключительное значение пропаганде творчества выдающихся представителей домарксовской социалистической мысли, видел в этом одно из важных средств идейно-политического воспитания трудящихся, задачу новой советской монументальной пропаганды.

Можно с полным основанием считать, что В. П. Волгин был первым среди советских историков, кто начал претворять в жизнь эти замыслы великих основоположников марксизма-ленинизма. В. П. Волгин — основатель издания сочинений представителей утопического социализма. Первая серия книг, объединенная общим названием «Предшественники современного социализма», была опубликована в 20-х годах, затем с 30-х годов стала издаваться серия «Социальные утопии» и, наконец, с 1947 г. начала выходить широко известная серия «Предшественники научного социализма» под редакцией В. П. Волгина. В этой серии было опубликовано 26 томов, в каждый из которых вошли: вступитель-

ная статья В. П. Волгина, русский перевод источника, сведения об авторе, о предшествовавших изданиях и переводах, необходимые примечания, указатель литературы и другие материалы. Это издание памятников домарксистской социалистической мысли является крупным вкладом В. П. Волгина и его школы в развитие советской и передовой зарубежной историографии, отечественной и мировой культуры.

Уже первое исследование о Жане Мелье и в еще большей мере последующие работы, посвященные предшественникам научного социализма, убедили В. П. Волгина в необходимости разработать единую систему оценок и критериев, на основании которых можно было бы рассматривать развитие общественной мысли как закономерный процесс, отразивший интересы определенных классов, социальных групп, социальное движение в целом. Работая в 20-е годы над составлением, по существу, первой программы советского университетского курса по истории социализма (экземпляр ее хранится в фонде академика Д. М. Петрушевского), В. П. Волгин очень четко определил свое отношение к задачам этого курса: «Нельзя ограничиться изложением систем, отказываясь от выяснения социальных корней, их связи с теми или иными социальными группами... Курс истории социализма, не ставящий перед собой такой задачи, неизбежно должен оказаться курсом бесформенным, лишенным позвоночного столба».

Для В. П. Волгина важно было найти критерии, которые позволяли бы сравнивать различных мыслителей и их учения, выявлять главные направления социалистическо-утопической мысли, помогали бы перейти от рассмотрения творчества отдельных мыслителей к истории зарождения и развития утопического социализма. Достаточно вспомнить в этой связи его статьи «От Бабефа к Марксу», «От мечты о коммунизме к программе его осуществления», «Социалистические идеи в Англии XVII и XVIII веков», монографию «Французский утопический коммунизм» и другие работы.

Трудно переоценить важность упомянутых работ для изучения утопического социализма как особого течения общественной мысли, его особенностей на разных этапах развития, обусловленных социально-экономическими, политическими и идеологическими задачами времени.

Рассматривая развитие утопическо-социалистической мысли как процесс, отражающий объективные условия и потребности общества на определенном этапе, В. П. Волгин придавал принципиальное значение четкому разграничению теорий утопического социализма, порожденных разными эпохами. Для этого необходимо было определить сам предмет исследования, его хронологические рамки, отличие от других передовых демократических и революционных учений прошлого. В. П. Волгин блестяще справляется с этой нелегкой задачей. Им была предпринята плодотворная попытка классифицировать различные так называемые социалистические системы. Без такой научной классификации, отмечал

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 24—25.

⁶ См.: Там же, т. 42, с. 259, 479.

⁷ Там же, т. 42, с. 306—344, 483.

В. П. Волгин, не может быть правильного понимания исторического развития социальной мысли⁸.

В. П. Волгин призывал, в частности, не смешивать взгляды Руссо и его приверженцев, «сторонников демократии мелких собственников — эгалитаристов», с идеями, например, Мелье, которого он назвал представителем «последовательно коммунистической критики XVIII в.» В. П. Волгин считал, что при характеристике тех представителей передовой общественной мысли, для которых руководящей идеей было не уничтожение частной собственности как таковой, а лишь уравнение имуществ, более подходящим определением был бы эгалитаризм⁹.

В соответствии с таким разграничением к представителям утопического социализма и утопического коммунизма В. П. Волгин относил мыслителей, которые проповедовали «идею коллективной собственности», «принцип общности имуществ».

Для более четкого определения предмета исследования необходимо было предложить научно обоснованную периодизацию истории социалистической мысли.

В. П. Волгин писал: «Возникновение идей утопического социализма и утопического коммунизма тесно связано с процессом первоначального накопления капитала и с характерными для раннего капитализма формами эксплуатации... Можно условно говорить об элементах социализма в древнем мире, разумея под этим коммунизм потребления, представление об общности благ на заре человеческого общества, неопределенную идею организации общественного производства и т. п. Но все это были намеки, разрозненные мысли, не связанные в единое целое. Как законченная система утопический коммунизм мог возникнуть лишь в новое время, на основе, созданной ростом капиталистических отношений...»¹⁰.

Подчеркнуть эту мысль В. П. Волгина надо потому, что и сегодня предпринимаются попытки вести историю утопического социализма чуть ли не с древнейших времен, по существу с возникновения классового общества. При этом иногда пытаются даже ссылаться на В. П. Волгина.

В. П. Волгин действительно говорил об элементах утопического социализма в рабовладельческом и феодальном обществах, но только об элементах, и это не дает еще оснований для того, чтобы представлять утопический социализм как социальное явление, присущее якобы всем эпохам, а не связанное лишь с капиталистическим способом производства. При таком подходе растворяется сущность самого явления, прежде всего его антикапиталистическая направленность.

⁸ Волгин В. П. Социализм и эгалитаризм.— В кн.: Волгин В. П. Очерки истории социалистических идей. М., 1975, с. 249.

⁹ Волгин В. П. Революционный коммунист XVIII в. (Жан Мелье и его «Завещание»). М.: Л., 1924. с. 36.

¹⁰ Волгин В. П. Французский утопический коммунизм. М., 1979, с. 6.

Разумеется, социалистические утопии возникали не на пустом месте. Их авторы вобрали духовные ценности, созданные человеческим гением на протяжении многих веков и даже тысячелетий. Огромная заслуга В. П. Волгина состоит в том, что он четко видел связь между утопическим социализмом и породившим его капиталистическим обществом. Это позволяло В. П. Волгину рассматривать утопический социализм как относительно целостное и единое направление общественной мысли в рамках определенной исторической эпохи. Признавая всю важность этого основополагающего тезиса, надо тем не менее отметить, что вопрос о том, на какой стадии развития капиталистической формации, в эпоху ли так называемого первоначального накопления капитала или в эпоху промышленного переворота, появляется утопический социализм в подлинном смысле слова, требует дальнейшей разработки¹¹.

Перед исследователями социалистических идей стоит актуальная научная проблема: необходимо ясно и четко, следуя положениям К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, определить, с одной стороны, некий «исходный рубеж» — зарождение социалистической мысли, а с другой — выработать свое отношение к социалистическим течениям и концепциям (в том числе утопическим), возникшим уже после появления теории научного коммунизма и построения реального социализма. В. П. Волгин писал, что в литературе, особенно в публицистике, часто речь идет о социализме, к которому относят явления, по существу, с ним лишь слабо связанные, а иногда и вовсе не связанные. Труды В. П. Волгина в этом смысле являются основой для дальнейших исследований социалистических учений в их неразрывной связи с историей мировой культуры.

Социалистические учения обусловлены особенностями борьбы рабочего класса на определенном этапе капиталистического развития, имеют свое, присущее только им, содержание. Изучение утопических теорий прошлого помогает лучше понять различные социалистические течения «национального типа», получившие широкое распространение и в наши дни, особенно в зоне национально-освободительного движения, и представляющие своеобразный протест против колониальной и империалистической эксплуатации.

Вместе с тем необходима наступательная критика тех концепций современных буржуазных, реформистских и ревизионистских авторов, для которых понятие «социализм» служит лишь прикрытием новейших апологетических воззрений. Не секрет, что за так называемым тезисом о правах человека, который в последнее время получил широкое распространение на капиталистическом Западе, скрывается все та же идея обелить современный капитализм, доказать его якобы гуманную сущность.

¹¹ См.: Штекли А. Э. «Утопия» Томаса Мора и социалистическая мысль.— Коммунист, 1978, № 18.

Нарочито искаженная трактовка проблемы прав человека призвана создать некую модель современного капитализма так называемого гумашного типа, якобы очищенного от всех пороков и язв прошлого. Одновременно предпринимаются попытки доказать, будто забота о человеке, его нуждах и правах прямо связана с буржуазным строем и исторически обусловлена самим рождением капитализма. При этом нередко обращаются к эпохе Возрождения. Отсюда делается вывод, что буржуазная наука была и остается единственной преемницей и продолжательницей передовых идей, возникших на заре буржуазного строя, в том числе и социалистических взглядов.

В этой связи напрашиваются по крайней мере два вывода. Во-первых, наши исследования в области истории социалистических идей должны в полном объеме показывать не только все ценное, что несли мировой общественной мысли, обогащая ее, лучшие представители домарковского социализма, но и что единственной теорией, которая оказалась в состоянии это воспринять и развить дальше на качественно новой основе, был и остается марксизм-ленинизм. Во-вторых, при изучении того или иного представителя социалистических идей и самой системы в целом необходимо избегать какой-либо идеализации, пужей действительно научный критический анализ различных школ и направлений.

В последние годы в советской историографии, посвященной истории социалистических идей на Западе, все более заметным становится крен в сторону эпох, достаточно далеких от времени создания собственно социалистических и коммунистических систем, от времени Сен-Симона, Фурье и Оуэна. Положительно относясь к достижениям наших историков, немало сделавших для изучения Томаса Мора, Кампанеллы и их духовных преемников XVII—XVIII столетий, необходимо отметить, что в свете нынешних задач изучения истории социалистической мысли крен в сторону далекого прошлого может быть преодолен путем активного расширения исследований идейного наследия основателей социализма — Сен-Симона, Фурье и Оуэна.

В последние годы были опубликованы фундаментальные труды о коммунистических идеях во времена Французской буржуазной революции¹², о Бабефе¹³, Фурье¹⁴, сен-симонизме¹⁵ и т. д. Однако до сих пор нет отвечающих современным требованиям работ о Сен-Симоне, Роберте Оуэне и его утопическом коммунизме как ответе на промышленный переворот в Англии. Значительно большего внимания заслуживает также изучение утопического коммунизма Вильгельма Вейтлинга, одного из ярких

теоретиков и руководителей германского рабочего движения на начальном этапе его развития.

Настала, очевидно, пора продолжить на качественно новом уровне, отвечающем духу времени, работу, начатую еще В. П. Волгиным, пад созданием фундаментального труда по истории социалистических учений, в котором всесторонне была бы показана мировоззренческая позиция социалистов-утопистов в ее непосредственной связи с социальными движениями. Это позволило бы сделать еще более эффективной нашу критику всевозможных «ниспровергателей социализма», стремящихся извратить его историю, заглушить прогрессивную революционную сторону утопического социализма, особенно обличительную критику буржуазного строя.

Большой интерес в этой связи может представлять изучение первых работ историков-марксистов конца XIX столетия, посвященных истории социализма. Под таким углом зрения следовало бы подойти к работам Ф. Меринга, П. Лафарга и др. Достойное место должны также занять труды Г. Плеханова как историка западноевропейского утопического социализма.

Писания первых «ниспровергателей социализма», таких, как Лоренц фон Штейн, Л. Ребо, А. Сюр (в России им следовал Д. Щеглов), поучительны в том отношении, что они показывают, как страх перед растущим рабочим движением и революцией, перед тем «призраком коммунизма», который бродил тогда по Европе, ненависть к пробуждавшемуся пролетариату заставляли их братья за перо, чтобы, с одной стороны, «доказать» всю «вздорность» ненавистных им идей, а с другой — ссылаясь на их «неосуществимость», будто бы продемонстрированную самим ходом истории, — успокоить буржуазного читателя. В этих работах прослеживаются те идейные истоки, которые питали антикоммунизм с момента его появления. Обращение к этим истокам позволит лишний раз выявить, как и какие старые мелодии перекладывают на новый лад нынешние буржуазные идеологи, сделавшие антикоммунизм своей профессией. Как справедливо отмечал В. П. Волгин, в утопических проектах прошлого необходимо распознавать реальные черты породившей их социальной обстановки, видеть, несмотря на фантастическую порой форму, классовые и сословные интересы, в них выраженные.

Когда речь идет о том, что история общественной мысли определенной эпохи должна быть представлена в неразрывном единстве с современными ей социальными движениями, то это вовсе не значит, что надо готовить какой-то конгломерат из идей и событий, движений и теорий. Речь идет о другом: каждый значительный памятник общественной мысли, даже в самом что ни на есть утопическом облачении, в той или иной степени отражает реальность своей эпохи. Общеизвестно, что Маркс в «Капитале», говоря о жестокостях эпохи так называемого первоначального накопления капитала, ссылаясь и на «Утопию» Томаса Мора. Но для историка общественной мысли дело этим, разумеется, не ограничивается.

¹² Иоаннисян А. Р. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции. М., 1966.

¹³ Далин В. М. Грахх Бабеф накануне и в годы Великой французской революции. М., 1963; *Грахх Бабеф*. Сочинения. М., 1975, 1977. Т. 1—3.

¹⁴ Зильберфарб И. И. Социальная философия Шарля Фурье. М., 1964.

¹⁵ Кучеренко Г. С. Сен-симонизм в общественной мысли XIX в. М., 1975.

Экономические перемены и социальные катаклизмы не только порождают те или иные теории, они меняют восприятие уже существующих теорий, приспособляют их к новым социальным условиям, поворачивают их так, чтобы они соответствовали потребностям сегодняшнего дня. Например, идеи Бабефа в 1796 г., когда он готовил восстание, звучали совсем иначе, чем треть века спустя, когда Буонаротти вдохнул в них новую жизнь.

Спору нет, говорить о связи разного рода «проблесков коммунизма» с социальными движениями на материалах, доказывающих эту связь безусловно и ярко («проблески коммунизма» в учении Томаса Мюнцера в эпоху Крестьянской войны, идеи «истинных левеллеров» и утопия Дж. Уинстэнли в Английской буржуазной революции и т. д.), намного проще и легче, чем выявлять эту связь, когда она не лежит на поверхности. Но как раз выявление глубинных процессов — одна из главнейших задач науки.

Ограничимся одним примером. Еще В. П. Волгин подчеркивал, что «Утопия» Томаса Мора — произведение гуманиста, которому чужды всякие стремления к вооруженной борьбе. Тезис этот развивает и И. Н. Осиновский¹⁶. Ясно, что у европейских гуманистов, близких к Мору, отношение к «Утопии» совсем иное, чем у парижских радикалов во времена Французской революции, как это хорошо показал А. Р. Иоаннисян. Ясно, что в эпоху Просвещения английский перевод «Утопии» имел иное звучание, чем, к примеру, ее первый русский перевод, сделанный в конце XVIII в. Такой подход к конкретному памятнику, помимо освещения истории распространения утопическо-коммунистических идей, позволяет лучше отработать саму методику исследования, которая ставит во главу угла проблему соотношения социальных условий и общественной мысли и поэтому представляется перспективной и многообещающей.

Ныне, в условиях острой идеологической борьбы, когда апологеты буржуазии, восхваляя «динамизм» капиталистического строя, чернят реальный социализм, одна из первостепенных задач советской исторической науки — усилить внимание к истории капитализма: от его гегезиса до его последней стадии. Особую значимость приобретает изучение различных аспектов духовной жизни, связанных с возникновением, развитием и упадком капиталистического способа производства, — общественной мысли, культуры, религии.

Капитализм, как известно, утверждал себя в ожесточенных идейных битвах. Поборники новых общественных отношений встречали сопротивление не только тех, кто терял свое классовое господство, но и тех, кто непосредственно страдал от усиливающейся эксплуатации.

«Буржуазия, — подчеркивал Ф. Энгельс, — с момента своего возникновения была обременена своей собственной противо-

ложностью: капиталисты не могут существовать без наемных рабочих, и соответственно тому, как средневековый цеховой мастер развивался в современного буржуа, цеховой подмастерье и внецеховой поденщик развивались в пролетариев. И хотя в общем и целом буржуазия в борьбе с дворянством имела известное право считать себя также представительницей интересов различных трудящихся классов того времени, тем не менее при каждом крупном буржуазном движении вспыхивали самостоятельные движения того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата»¹⁷.

Становление капитализма шло рука об руку с возникновением и развитием различных течений, резко критиковавших все те беды, которые принесли человечеству капиталистические отношения. К сожалению, приходится констатировать, что, несмотря на известные успехи, достигнутые историками, занимающимися изучением социалистических идей, этот аспект исследования до сих пор не получил должного развития.

Дальнейшая реализация этой темы должна, очевидно, осуществляться не только в виде очерков, посвященных тому или иному великому мыслителю, но преимущественно путем создания целостной картины истории социалистических учений разных толков в странах, ранее других вступивших на путь капиталистического развития. Причем изложение и анализ этих учений необходимы в теснейшей связи с анализом экономического положения страны, классовых столкновений, политической борьбы. Естественно, что различные виды утопического социализма, от феодального до уравнительного, как реакция различных сословий и классов на торжество капиталистических отношений, займут в этих исследованиях то место, которое соответствует их историческому значению.

Когда заходит речь о том, чем научный коммунизм обязал критическо-утопическому социализму, у нас есть четкие критерии. В. И. Ленин, как известно, рассматривал французский утопический социализм как один из источников марксизма. Конечно, при разработке тем «Наследие утопического социализма и научный коммунизм» или «Маркс, Энгельс, Ленин и социалисты-утописты» мы стали бы уделять главное внимание идеям Сен-Симона, Фурье, Оуэна и лишь мельком упомянули, к примеру, о феодальном социализме. При этом мы руководствовались бы известным положением о том, что научный социализм «стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна — трех мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно»¹⁸.

¹⁶ Осиновский И. Н. Томас Мор: утопический коммунизм, гуманизм, реформация. М., 1978.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-изд., т. 19, с. 190—191.

¹⁸ Там же, т. 18, с. 498—499.

Однако когда мы рассматриваем утопический социализм на фоне развития капитализма, то в этом контексте феодальный социализм или социализм христианский рассматриваются уже как реакция сословий, теряющих свое господство, феодального дворянства и церковной знати, на развитие буржуазных отношений.

Но затруднения этим не исчерпываются. Найти «золотое сечение» для такого рода исследований весьма непросто. Наш собственный исторический опыт поможет нам правильно оценивать расстановку сил на каждом этапе истории идейной борьбы. В 30-х — 40-х годах XIX в. во Франции выходило из печати множество произведений, авторы которых стояли на позициях христианского социализма. Нередко они, как показал В. П. Волгин, проповедовали весьма радикальные взгляды. Но значит ли это, что их значение в истории социализма было большим, чем значение тайных союзов рабочих, которые либо вообще не выпускали периодических изданий, либо выпускали их в небольшом количестве?

Возьмем другой пример. В «Манифесте Коммунистической партии» специальный раздел посвящен немецкому, или «истинному», социализму. В становлении научного мировоззрения Маркса и Энгельса борьба с «истинными социалистами» сыграла важную роль. В этой связи все, даже второстепенные факты, касающиеся этой борьбы, представляют для историка большую ценность. Однако идейное наследие «истинных социалистов» ничтожно, и их место в общей истории социализма не идет ни в какое сравнение даже с наследием Прудона или Луи Блана, не говоря уже о великих утопистах.

Намечая перспективу дальнейших исследований, мы не должны упускать из виду, помимо научно-теоретического их значения, также и актуальность политическую. В программах многих «прогрессивных» партий Запада, выдающих себя за защитниц интересов трудящихся, можно, невзирая на наиповейшую терминологию, почерпнутую из лексикона эпохи научно-технической революции, обнаружить немало характерных черт «мещанского социализма». А в проповедях поборников современного «социального христианства», которые нередко бросают открытый вызов коммунистическому движению, мы без труда находим приметы того «поповского социализма», против которого всегда сражались Маркс, Энгельс и Ленин.

Рецидивы «феодального социализма» наблюдаются и в наши дни. Когда, например, в какой-нибудь стране Азии или Африки распространяются о «социализме национального типа», который должен обеспечить «верность традициям», или когда религиозные деятели, занимающие антикоммунистические позиции, хотят построить новое общество на «вечных истинах ислама», мы сталкиваемся с новым проявлением все того же «феодального социализма».

XXVI съезд КПСС подчеркнул, что критика антикоммунизма,

буржуазных и ревизионистских концепций общественного развития, разоблачение всякого рода фальсификаций марксизма-ленинизма есть одно из основных направлений в области общественных наук¹⁹.

В современной идеологической борьбе история социалистических учений занимает видное место. Не только наследие основоположников марксизма-ленинизма, но и их предшественников, в том числе социалистов-утопистов, стало предметом ожесточенных идейных столкновений.

Иные буржуазные историки, как и в середине прошлого века, старательно перечитывают давние утопии, дабы поосновательней «доказать» всю «злокозпность коммунизма» — от его истоков в новое время до наших дней. В ход идут и ученые ссылки на странно комментированные издания этих утопий, и модные ныне словечки, которыми пестрят газеты на Западе, вроде «тоталитаризм» и «сексуальная революция». Каких только страданий человечества не приписывают самому характеру «коммунистического государства» и якобы изначально присущему ему духу всеобщего подавления, несвободы, мелочной регламентации, уравниловки, агрессивности и даже геноцида!

Советские историки уже неоднократно поднимали свой голос против подобных фальсификаций²⁰. Несомненно, прав советский исследователь А. И. Володин, когда пишет: «Ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин никогда не говорили, что научный социализм стоит на плечах Томаса Мора. Жесткое определение его как родоначальника социалистической мысли дает повод нашим идейным противникам для разного рода нападок на теорию и практику научного социализма: черты грубой уравниловки, регламентированности и т. п., присущие моровской «Утопии», связываются антикоммунистами с самой сущностью социализма вообще»²¹.

Однако дело, на наш взгляд, не должно ограничиваться опровержением тех или иных предвзятых мнений. Чтобы по-настоящему действительно противопоставлять нашу точку зрения разного рода тенденциозным суждениям, следует более тщательно разрабатывать теоретические основы марксистской концепции истории социалистических учений. Многие идеологические явления наших дней становятся понятней, когда мы обращаемся к анализу утопического социализма, анализу, который дан в классических произведениях Маркса, Энгельса, Ленина. Ошибочно полагать, будто с появлением научного коммунизма утопический социализм настолько утратил свое значение, что вовсе не заслуживает внимания. Не приходится напоминать, какую принципиальную и последовательную борьбу вел В. И. Ленин против раз-

¹⁹ См.: Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 146.

²⁰ См.: Кучеренко Г. С., Осиповский И. Н., Штекли А. Э. О некоторых тенденциях в изучении социалистов-утопистов. — В кн.: Критика современной буржуазной и реформистской историографии. М., 1974.

²¹ Володин А. И. О понятии «утопический социализм». — В кн.: История общественной мысли: Современные проблемы. М., 1972, с. 474.

личных проявлений и мелкобуржуазного социализма и социализма христианского²²

Когда вдруг в некоторых капиталистических странах мы видим вспышку неоправданно большого интереса к наследию Прудона и попытку определенных кругов противопоставить его идеи марксистско-ленинскому учению, мы распознаем здесь очередной, пусть и временный, «возврат к устарелым взглядам»²³, объясняющийся тем, что и теперь многие представители мелкой буржуазии в страхе перед неумолимостью крупного капитала ищут призрачного спасения в мелкобуржуазном социализме.

Не только научные, но и многие практические задачи, стоящие перед советской исторической наукой сегодня, требуют неустанного внимания к современным формам как мелкобуржуазного социализма, так и социализма христианского.

Все это — и задачи всестороннего изучения истории общественной мысли, и современная политическая борьба — требует от советских историков самого глубокого осмысления теоретических проблем развития социалистических идей. А это, естественно, возможно лишь при постоянном обращении к неисчерпаемой идейной сокровищнице — к работам основоположников марксизма-ленинизма.

---

²² В. И. Ленин уделял пристальное внимание истории утопического социализма. См.: *Застенкер Н. Е.* Ленин о домарксовом утопическом социализме. — В кн.: *История социалистических утопий.* М., 1964.

²³ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 65.